

В защиту святого поста

Архиепископ Никон (Рождественский)



Мои дневники, особенно последние — «об анонимах» и о «легкоспасенцах», видимо, тревожат совесть некоторых читателей: я получаю немало писем с откликами на них. Что ж? Слава Богу, что совесть заговаривает и тянет людей к суду Божию... Ведь, давно сказано: един Бог без греха, а святые отцы говорят: грешить свойственно людям, а пребывать во грехе нераскаянно — только демонам. Аще падеши — востани, убеждают они всякого грешника: и елико падеши, толико востани... Но вот наше горе: в нашем сердце нередко, даже без нашего ведома, хозяйничает наше грехолюбие, и лишь только совесть встревожится, проснется, как оно, грехолюбивое сердце, тотчас же отдает приказ нашему уму: подыскать оправдание... А ум, как известно, состоит на послугах у сердца: ведь, Господь — Сердцеведец истину сказал, что от сердца, а не от ума исходят помышления. Притом, сердце иногда так искусно прячется за ум, что мы того и не замечаем, и воображаем, что наш рассудок в данном случае работает только во имя здравого смысла и требований логики... Да, сложное дело — душа человеческая и духовная жизнь: не только чужая, но и своя-то собственная душа для нас иногда представляет собою именно — потемки! Иной весь свой век в потемках ходит, в потемках и умирает, воображая, что во свете ходил... Только там, к его ужасу, откроются его духовные очи и увидит он, несчастный, как жестоко заблуждался. А, ведь, совесть-то и ему подсказывала, и его тревожила, но он не давал ей свободы обличать его, спешил заглушить ее голос мудрованиями лжеименного разума.

Вот это замечается и в тех письмах, которые получаю я в ответ на мои дневники. Особенно замечается это стремление — как-нибудь ускользнуть из-под креста, спастись полегче, да чтобы о вечных мучениях не напоминали! И всюду так и выступает одна и только одна идея — о Божием милосердии... Как будто теперь-то, в сей земной жизни, недостаточно Божия милосердия, не отверсты для кающихся объятия Отца: чего не делает Господь для того, чтобы призвать нас к покаянию! И осыпает нас Своими

милостями, и вразумляет бедствиями, и проявляет дивную силу Свою и благость в чудесах и знамениях, и самое течение жизни, как личной, так и государственной располагает так, что виден Его указующий перст, видна Его правящая десница. Но что делать с нашим нечувствием? Когда вдумываешься во все это, то страшно становится и за себя, нечувственного грешника, и за весь грешный мир, и слышится в совести грозный голос древнего пророка: *«увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями! Оставили Господа, презрели Святого Израилева, повернулись назад. Во что бить вас еще, продолжающие упорство? Вся голова в язвах, и все сердце исчахло»...* (Ис. 1, 4–5) В самом деле: только и слышишь со всех сторон жалобы: жить тяжело, сил нет, там эпидемии и недород хлеба, здесь смута в умах и сердцах, каждый день самоубийство, грабежи, кощунства, богохульства, а на политическом горизонте собираются грозные тучи — одна другой темнее, одна другой грознее... Казалось бы: как не вспомнить забытого Бога? Как не всплакнуть сердцем и не покаяться — так, как каялись когда-то ниневитяне, как умели каяться наши предки? — И совесть тревожится, напоминает нам о том же, а мы все свое: приказ и наказ уму: *«искать путей спасения полегче!»*.. Но, ведь, у Господа уже положены пути, указаны нам, и не восхощет же Он в угоду нам, **нашей лени**, изменят Свои законы: ведь это, как сами мы потом, если не здесь, то на том свете, узнаем, — это было бы нам же во вред!

Да и то надобно сказать: разве неправду говорит Господь, что иго Его благо и бремя Его легко есть? Разве обманывает Его любимый ученик, когда говорит, что заповеди Его вовсе не тяжелы? Разве обманывали себя и нас святые крестоносцы, уверяя, что наш крест жизненный в конце концов обращается в крылья, возносящие нас на небо? Да наконец — опыт, постоянный опыт всех веков и всех крестоносцев — Христовых последователей убеждает, что с нами и за нас несет крест наш Сам Господь, а от нас требует только одного: *сыне, даждь Ми твое сердце* — доверься Моему водительству, верь и знай, что все скорбное бывает по Моему попущению и в радость обращается, лишь бы ты сам не вредил себе своим самочинием в деле спасения, не бежал от креста и из-под креста, лишь бы все свое сердце отдал исполнению в простоте Моих заповедей животворящих, а Я тебе ручаюсь — верь Моему слову Божественному: *сила Моя в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9), и если бы даже мать забыла грудное дитя свое, *то — Я не забуду тебя!* (Ис. 49, 15) — Так, Господь с нами, Господь всегда пребывает благодатию Своею в Церкви Своей, ей Он поручил дело нашего спасения: только пребывай в послушании ее водительству, не верь своему слабому,

вечно заблуждающемуся разуму, пользуйся таинствами, и твое спасение обеспечено.

Видите, как и узкий путь, ведущий в царство небесное, становится удобопроходим, и иго Христово — удобоносимо для тех, кто пребывает в недрах Церкви. К несчастью, враг ныне сеет мысль в сердца верующих, будто можно обойтись без Церкви, можно спастись в одиночку, руководиться не учением Церкви, а своим мудрованием. И мнят себя многие из восприявших сию мысль, будто они остаются православными, вовсе не замечая того, как постепенно отходят от православия, святыня которого хранится только в Церкви. И становится понятным, почему им, отошедшим от Церкви, кажутся тяжким бременем заповеди церковные: они не испытывают сердцем своим обновляющей и согревающей дух благодати Божией, только в Церкви Божией раздаваемой.

Беру ближайший к переживаемым дням святой четырехдесятницы пример. Тяготятся постом, а не знают опытно сладости сего святого упражнения, которое при руководстве Церкви проходимо, в глубоком смирении, при обуздании страстей, утончает нашу природу, приближает нас к духовному миру, дает нам возможность переживать прикосновения к сему миру, самый телесный состав наш обновляет, освежает и, хотя отчасти, восстанавливает гармонию жизни человека, как существа духовно-телесного, возвращая его, в некоей степени, при помощи благодати Божией, к состоянию Адама первозданного. Мы забыли об этой гармонии жизни; мы не знаем радостей господства духа над плотью; мы постоянно обманываем себя, оказывая всяческое снисхождение, на самом же деле поблажку этой плоти и в конце концов совсем оплотеняемся: становимся, по выражению псалмопевца, подобными скотам несмысленным и уже теряем всякое опытное представление о жизни духа. Немудрено, что современные люди если не всегда высказывают, то на деле постоянно проявляют в жизни теорию дарвинизма о родстве человека с животными. Не удивляюсь, что сказания о древних подвижниках кажутся им вымыслами, да многие и не знают их. А между тем стоило бы, если уж не ради подвига подражания им, то хотя бы ради так называемого научного интереса, ради, наконец, собственной пользы, в целях здоровья, заглянуть в жития святых, чтобы так или иначе использовать их опыт в отношении поста. Ведь, и они были такие же, как мы, люди, такую же и плоть носили, хотя, конечно, не столь избалованную, как наша. А все же — не угодно ли вот послушать, как они постились.

Раскроем бесценное сокровище назидания — жития святых Божиих и приникнем слухом сердца к тому, что говорят они. Вот преподобный Иларион принимает пищу иногда чрез три, иногда чрез четыре дня. Преподобный Савва вкушает чрез пять дней, а Симеон Дивногорец, еще в самом нежном детском возрасте, шести лет от роду, уже постится по семи дней. Во всю жизнь потом он держится правила: вкушать чрез три дня, иногда чрез семь, иногда же чрез десять. Преподобный Ор вкушал раз в неделю, так же постился и преподобный Макарий Александрийский в святые четырехдесятницы. Иоанн Постник, патриарх Константинопольский, во все время своего святительства, в продолжение всей недели не имел стола, и только в воскресенье вкушал немного огородных овощей. Преподобный Паисий пять дней в неделю постился, а в субботу и воскресенье подкреплял себя скудною пищею. Потом, к одной неделе приложил он и другую, и вкушал уже чрез две недели. Преподобный Петр Афинский постился сперва две недели, а после постоянно вкушал чрез сорок дней пищу, которую приносил ему Ангел Божий. Преподобные Виссарион и Симеон юродивый часто проводили без пищи целую неделю, а иногда и сорок дней. Симеон столпник сначала вкушал в неделю раз, потом, желая приучить себя к строжайшему посту, заключился в тесной келье на сорок дней, и хотя у него были хлеб и вода, однако он не прикоснулся к ним. С тех пор он постоянно проводил св. четырехдесятницу без пищи и питья. Преподобные: Герасим, Анин, Феодор Сикеот, Антоний и Феодосии Великие, Макарий Египетский, Кириак, Иоанникий Великий, Марк Фраческий, Афанасий Афинский, Арсений Великий, Онуфрий Великий, Мария Египетская, Даниил столпник и множество других подвижников всю жизнь свою проводили в изумительных подвигах поста. А когда принимали пищу, то надобно еще сказать: что это была за пища? Это были смоквы и финики, разные огородные овощи, самым простым образом приготовленные, без всяких приправ, разве только с солью, очень редко — с маслом.

Одному подвижнику, в день Пасхи, ученик приготовил пищу с маслом: он посмотрел на нее, залился слезами и, сказав:

«Господь мой вкусил оцет с желчию, и я ли буду есть с маслом?» — велел подать себе обычную пищу без масла. Вкушали они вареные зерна пшеницы, ячменя, чечевицы, что у них называлось сочивом. Те, которые жили в монастырях или близ оных, питались, конечно, и хлебом, преимущественно сухарями, которыми запасались на несколько дней, месяцев и даже лет; но многие и хлеба не вкушали.

Преподобный Марк Фраческий, 95 лет не видевший лица человеческого, открывался посетившему его Серапиону, что голод принуждал его иногда наполнять чрево землею и пить морскую воду. Пустынники, обыкновенно, питались дикими растениями, корнями разных трав, мохом, дубовой корой... Они смотрели на пищу, как на лекарство: фунт хлеба в сутки — вот самая обычная мера их пропитания. Но многие и эту меру сокращали: преподобный Досифей уменьшил ее до четверти фунта в день, преподобный Макарий Александрийский сделал себе сосуд с узким отверстием так, чтобы только могла проходить рука, и клал в этот сосуд мелко нарезанные сухари: сколько можно было за один раз захватить рукою, столько и составляло его дневное пропитание, — это было не более осьмушки фунта в день. Многие из наших Киевопечерских затворников питались, обыкновенно, одною просфорю...

Слабые люди нашего времени скажут: так изнурять себя — грешно, такая скудость в пище вредит здоровью, сокращает жизнь. Но едва ли кто из нас способен выносить такие великие труды, какие выносили святые постники: целые ночи выстаивали они на молитве с земными поклонами, весь день проходил у них в тяжелой работе, они легко переносили и нестерпимый летний зной, и зимнюю стужу, спали час-два в сутки на голой земле, а иные и вовсе не ложились, а только дремали, сидя или стоя. И при всем этом — заметьте — они почти не знали болезней, всегда были бодры духом и телом, хотя на вид они были — только кожа да кости. А жили они вот по сколько лет: Симеон столпник стоял на столпе 80 лет, а всего жил 103 года; Кириак отшельник жил 109 лет; Алипий столпник — 118; Иоанн молчальник — 104; Антоний и Феодосии Великие по 105; Павел Фивейский — 113; Павел Комельский — 112; Анин — 110; Макарий Александрийский — 100. Марк Фраческий только в пустыне провел 95 лет, не считая того, сколько жил в мире. И другие многие жили по сто лет, а до 90 — большая часть...

Видите: самый строгий пост не вредит здоровью, напротив, постники-то и живут дольше других. Да и теперь, спросите: где можно больше встретить глубоких старцев, убеленных сединами — в миру ли, или в св. обителях? Конечно, в монастырях, и эти старцы — конечно, из тех, которые строже соблюдают монашеские уставы о посте. Или скажите, что святым людям Сам Бог помогает Своею благодатию? Правда, но кому же Бог отказывает в Своей благодатной помощи? *Грядущаго ко Мне не иждену вон*, — говорит Господь. — Впрочем, я не к тому говорю, чтобы нам, грешным, во всем брать пример с угольников Божиих: ведь, и сами они не вдруг доходили до такого строгого поста, а много лет приучали себя к тому. Да и они же учат нас, что «удивляться трудам святых дело похвальное, ревновать им спасительно, а

хотеть вдруг сделаться подражателем их жизни есть дело безрассудное» (Лест. 4, 42). Я хочу только опытом святых угодников убедить в той же истине, в коей убеждает и опыт врачей: пост не только не вреден, но и полезен для здоровья, не только не сокращает, но удлиняет нашу жизнь... Ведь, верим же мы опытам каких-нибудь Таннеров, так не следует ли нам, православным христианам, поверить больше опытам святых угодников Божиих?

Церковь учит: постись, не можешь поститься — смирись, почти пост великих подвижников поста, склонись пред ними в благоговении, но не дерзай осуждать свою благодатную мать, якобы установившую непосильные для тебя посты.

Ты болен? Но от больных Бог не требует поста. Только и тут, не лицемерь, не допускай грехолюбивому сердцу обманывать себя... Ведь, за все надо Богу отвечать. Наши предки вот и жили в простоте сердца, старались, по мере сил, соблюдать положенные Церкви посты, а не пускались в сектанские самооправдания, с обвинением Церкви в том, будто она требует от нас непосильного подвига; сознавая свои немощи, они смирялись и говорили: «святые постились — в рай вселились, а мы постимся — никуда не годимся».

Удивительное дело: на почве модных увлечений мы готовы отказаться от животной пищи, хоть навсегда; открываются, например, вегетарианские столовые, питаются там почти исключительно растительной пищей, и являются им подражатели, а вот отказаться от мяса на Великий пост, заповеданный не кем-нибудь из святых мужей, хотя и их заповедь для нас обязательна, но — святыми Апостолами, в подражание Самому Господу нашему, постившемуся ради нашего спасения четырехдесятницу дней — это нам, видите ли, не под силу, да и напрасно это положено, и Сам Христос-де говорит, что не входящее во уста сквернит человека, и у Апостола-де сказано, что брашно нас не поставит пред Богом, и прочие неумные глаголы... Кто еще верует во святую Соборную и Апостольскую Церковь, того я спрошу: скажи мне, по совести: ужели на протяжении почти двух тысячелетий миллионы православных, соблюдавших посты, тысячи пастырей и учителей Церкви, все эти великие святители и подвижники, единогласно восхваляющие пост, — ужели все они, личным опытом доказавшие, на себе изведавшие силу и пользу поста, были — простите мне, угодники Божий, это выражение, может быть, не совсем уместное — ужели они были глупее тебя, современный христианин, ужели заблуждались, обманывались и, в своих писаниях восхваляя пост, обманывают нас?.. Кто из

православных посмеет допустить такую оскорбительную и для угодников Божиих, и для самой Церкви Христовой — мысль? Да тем более, что все сии защитники поста единогласно приглашают всех сомневающихся: вкусите и видите, яко благ и полезен пост! Не верите нам — сами на себе изведайте! — Увы, современному горе-христианину не хочется и поститься, не хочется и смириться, признать себя виновным в нарушении постов, вот его грехолюбивое сердце и отдает приказ вселукавому уму — пустить в ход все словеса лукавствия, лишь бы как-нибудь оправдать его леность... Я спрашиваю такого якобы — христианина: честно ли это? Достойно ли звания христианского?

Нет, не в духе Христовом все это! Бог не нуждается в нашем посте — нам нужен пост! Пост нужен был еще в раю, невинному Адаму, чтобы проявить послушание и чрез послушание — любовь к Творцу и Благодетелю: нам ли, порабощенным плоти и страстям, он не нужен? Затем, ведь, Богу нужно наше покаянное сердце: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничтожит. Не нужна Богу наша фарисейская праведность, самооправдание: Ему нужно, для нашего же спасения, мытарево злато — святое хриstopодражательное смирение. Где нет этого злата — там нет и угодного Богу добра. Ни пост, ни милостыня, ни молитвенные подвиги — ничто не угодно Богу без этой златой пробы — таково учение нашей матери — Церкви. А какое уж тут смирение, когда люди, считающие себя чадами Церкви, судят уставы и заповеди своей матери? Да наконец, сама природа наша не требует ли поста? Когда скорбь сжимает сердце, когда тоска давит душу, когда чувствуешь над собою беду: до пищи ли тогда? Не является ли какое-то отвращение от пищи, не хотелось бы и говорить, и думать о столе... И пост — время покаяния, время, когда надобно войти в себя, оглянуться на себя, подумать о том, что ждет тебя в грядущей вечности; пост — время слез, оплакивания своего духовного мертвеца, своей грешной души, — казалось бы, надо радоваться, что Церковь идет навстречу этой потребности нашей природы, заповедуя пост, благодарит заботливую мать, которая хочет воздействовать на нашу ослабевшую волю своею дисциплиной: если не хотим добровольно, то хотя бы из любви, из послушания к матери, если только мы любим ее, надо по мере сил подчиниться ее требованиям, а мы... не только не подчиняемся, не только не смиряемся, не укоряем себя, не признаемся в своевольном нарушении ее уставов, но и критикуем эти уставы, эти благотворные распоряжения родной любящей матери... Да смеем ли мы после того называть себя ее чадами, да еще верными чадами, православными? Оглянемся, православные: не отходим ли мы от Церкви на путь гордого

монаха Лютера, который, восставая против злоупотреблений папы, попрал и апостольские предания и стал ересиархом. А раз став на этот путь, можно прийти и до тех выводов, к каким пришло лютеранство. И надо правду сказать: многие из наших, так называемых, интеллигентов, еще считающие себя православными, уже давно стали на этот путь и судят мать-Церковь и ее уставы, чиноположения, сами пока не сознавая, что тем оскорбляют исповедуемое ими православие, оскорбляют Церковь...

Вразуми, Господи, согрешающих по неведению и не попусти им отпасть от св. Церкви!